

УДК 821:161.1.09

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБРАЗНОСТИ РАССКАЗА

И. БУНИНА «ЖЕРТВА»

Гончаров Петр Андреевич

доктор филологический наук, профессор

Подсекалова Анастасия Сергеевна

студент

poprova98@mail.ru

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск. Россия

Аннотация. В работе анализируются мифопоэтические элементы рассказа И.А. Бунина «Жертва», фольклорные и мифологические прообразы героев рассказа, легендарные мотивы произведения. Базируясь на фольклористических и этнографических исследованиях авторитетных ученых, на тексте новеллы, на литературном и фольклорном контексте произведения, авторы работы рассматривают главного героя рассказ в качестве образа, впитавшего в себя народные верования и суеверия, представления писателя о русском национальном характере, доказывают, что данный рассказ И.А.Бунина связан со славянскими мифологическими представлениями о жертвоприношениях, о народно-христианской небесной иерархии. По мнению авторов статьи, мифологическая и фольклорная составляющая образности рассказа усиливает философское и этнографическое звучание литературного произведения, вносит существенные уточнения в бунинскую концепцию русского национального характера.

Ключевые слова: И. Бунин, рассказ, мифология, «Жертва».

В сборнике И.А. Бунина «Тень птицы» особый интерес вызывает рассказ «Жертва» (1913), в котором, на наш взгляд, прослеживается яркая связь литературного произведения с фольклорной и мифологической составляющей. Связь творчества писателя с мифологией и фольклором является давно изучаемой темой в отечественном литературоведении.

В рассказе «Жертва» заметна связь героев произведения с образами мифологии. Главный герой Семен Новиков «Петровками горел» и отправился ночевать на постройку своего нового дома. Разразившаяся гроза глубокой ночью разбудила Семёна, и он вышел в поле, где под раскатами грома и увидел «страшный, строгий лик», явившийся на черном небе.

В тексте произведения «белобрадый, могутный» Илья, появившийся на небе в темную ночь, по описанию напоминает образ древнего Перуна, разъезжавшего на своей огненной колеснице по небу. Если повелитель гроз видел, что на земле творилось беззаконие, то стрелял своими огненными стрелами в демонов и злых духов: «Перун владел громом и молниями, разъезжал по небу на колеснице, <...> те же черты дает народная фантазия и Илье-пророку» [2, т. 1, с. 168.]. Эти замечания фольклориста явно сближают два образа между собой, что говорит о явном их сходстве.

В рассказе образ Ильи предстает в сопровождении сильного ветра, грозных раскатов и ярко сверкающих молний, создавая впечатление начинающейся битвы. Такая детализация образа свидетельствует о сходстве мифологических представлений о появлении громовержца с небесным героем в рассказе.

Изучением сходства мифологических образов и героев литературы занимались некоторые исследователи (И.П. Лапинская [5], А.М. Саянова [6], И.С. Юхнова [8] и др.), рассматривавшие мифологические истоки образности произведений И.А. Бунина в различных аспектах.

Древние народы считали, что от Ильи зависят дожди, росы и засуха, и в его день ждут от него благодатного дождя, который оросит урожай на полях.

Бог-громовник «вступает в брачный союз с землею», рассыпает по ней дожди и дает урожаи. Важно обратить внимание на данную примету и деталь рассказа. Изображаемые события происходят на Ильин день: «Под Ильин день плотники отпросились ко двору» [3, т. 3, с. 336]. Появление грозы, а затем сильного дождя указывает нам на совпадение событий рассказа с древней приметой, а также на присутствие мифопоэтических мотивов в сюжете произведения: « <...> Крупный дождь захватил его на выгоне» [3, т. 3, с. 339].

Мифологические представления об Илье-громовнике и традиции почитания его дня можно найти в содержании одной русской легенды, как и детали, заметно отразившейся в тексте рассказа. Она повествует о том, что в давние времена жил мужик, всегда почитавший Николин день. В праздник Николы «и молебен отслужит, и свечу поставит», а об Илье-пророке не думал и не почитал его. Однажды идут Илья-пророк и Никола мимо поля этого мужика и любуются, какое поле богатый урожай растит. Илья обещает погубить урожай, побив его градом и молнией. Никола сразу отправился к мужику, чтобы заставить продать его поле, иначе весь его урожай погибнет.

Обратим внимание на сходство легенды с самим рассказом. Основу легенды мы можем заметить и в сюжете произведения. Появившийся на небе громовник побил рожь главного героя Семена, но герой продал ее раньше, за что и хотел наказать его громовник, обвинив его в обмане: «Летошний год я посек, повалил твою рожь градом, вихрями: ты зачем <...> продал эту рожь на корню?» [3, т. 3, с. 337]. Так, отголоски этой старинной легенды, сходство героев рассказа с образами легенды, явно прослеживаются в бунинской «Жертве», что явно указывает на связь образов мифологии с сюжетом рассказа.

На связь образов литературы с мифологией в свое время указывал Ф.В.Й. Шеллинг, который утверждал, что мифология не изобретена отдельными людьми, она рождена самим народом [7, с. 25]. Ф.В.Й. Шеллинг считал немислимым, чтобы мифология народа возникала из чего-либо «наличествующего и среди

наличествующего». Так, мифология сильно сплелась с жизнью и самим духом народа, она возникала вместе с ним и поэтому выйти она могла только из него.

Из работ А.Н. Афанасьева известно: «Те поэтические образы, в каких рисовала народная фантазия могучие стихии и их влияние на природу, почти исключительно были заимствуемы из того, что окружало человека, что по тому самому было для него и ближе и доступнее...» [2, т. 1, с. 5]. Каждое явление природы, при богатстве старинных метафорических обозначений, могло изображаться в чрезвычайно разнообразных формах и формы эти не везде одинаково удерживались в народной памяти. Так, бунинский «Илья», повелитель гроз и ветров, подобно Богу-Громовержцу, обладает такой огромной силой, что способен огненными стрелами молнии спалить жнивую, сжечь жилище или убить человека.

Таким образом, в небесном герое исследуемого рассказа мы видим отголоски мифологических представлений, сближающих его с мифом о боге-громовержце и его способностях, которые дают ему возможность лишать жизни людей, наказывать их за провинности, управлять природными стихиями, губить или помогать выращивать людям посева.

Гроза принимается в народе «за божью милость и милосердие», в связи с этим в народе существуют различные поверья. Так, при грозовых раскатах крестьянин спешит перекреститься, а сербы думают иначе, считая, что когда Илья преследует дьявола нельзя креститься, потому что нечистый спешит спрятаться под крест, в который не бьет молния громовержца.. Такое же предание существует и в Литве: «<...> всякий предмет, в который ударила молния, почитается священным, а человек, убитый громом, признается за святого» [2, т. 1, с. 96].

Вернемся к содержанию рассказа и заметим интересную восходящую к мифу деталь. Появившийся в небе Илья-громовник корил Семена за оживление Пантелея, которого он убил молнией: «<...> я убил молоньей Пантелея, старшего твоего...» [3, т. 3, с. 338]. Стоит отметить, что следуя старинным поверьям, убитый молнией

Пантелей мог быть, своего рода, той невинной жертвой, за которой мог укрыться дьявол во время грозových ударов. Древнее поверье относит нас к моменту рассказа, что прямо свидетельствует о связи мифологических образов с сюжетом бунинского произведения.

Жертва у древних славян имела мифическую связь с жильем человека, его постройкой. В связи с этим у славян существовала примета, что дом может быть построен на беду одного из будущих его жильцов, поэтому хозяева при закладке дома убивают какое-либо животное и зарывают его в то место, где будет положено первое бревно. Например, в «Курской губернии при переходе на новоселье отрубают голову курицы и закапывают под передним углом порога избы» [2, т. 2, с. 38].

Изучая текст рассказа, мы снова замечаем мифологические детали, свидетельствующие о связи данного произведения И. Бунина с мифологией. Из повествования мы узнаем, что Илья предлагает главному герою Семену выбрать наказание или жертву для прощения: «<...> Сам посоветуй мне» [3, т. 3, с. 338]. Семен делает выбор в сторону дочери, Анфиски, предлагает убить ее, на что Илья-громовник соглашается принять такой выбор собеседника: «Ну, девочку, Анфиску, убей» [3, т. 3, с. 338]. Описываемые события в рассказе снова относят нас к мифологическим истокам развития сюжета, ведь Семен приносит в жертву своего ребенка (кровного родственника).

Так, древние мифологические представления о том, что для утверждения стен нового дома нужна жертва кровного родственника или, чтобы основание жилища было подкреплено кровью курицы (петуха) или другого животного находят свое отражение в рассказе И. Бунина. На основе мифологических преданий и поверий есть основания утверждать, что Семен, будучи хозяином новой построенной избы, сам мог стать жертвой при ее закладке, но герой, с целью избежать наказания предложил принести в жертву свою дочь. Такое «совпадение» событий заметно отражает связь сюжета рассказа с мифологическими традициями древних славян: «

<...> а в люльке лежала вся сизая, мертвая девочка...» [3, т. 3, с. 339].

Нельзя не заметить, что фабула произведения представляет собой скрытый обряд жертвоприношения, после которого в сильное беспокойство пришла вся живность во дворах. Отступление холодного мрака тьмы и наступление утра, автор изображает как освобождение от беды, указывая в рассказе на контраст темных и светлых сил. Важно отметить, что такой же контекст подразумевает обряд с жертвой животного или птицы, ведь проведенный ритуал освобождал владельца постройки от горя, неприятностей и от смерти дорогого родственника. Проводя параллель с сюжетом рассказа, можно сделать вывод, что петушиный крик также провозглашает освобождение Семена от бед, даже если это освобождение стоило ему жизни родного человека: «Жил Семен с тех пор счастливо» [3, т. 3, с. 339].

Таким образом, название рассказа характеризует его главную идею и содержание, ясно отражая в образах, в поступках героев и в сюжете произведения связь с традициями древности, его представлением о природных явлениях и окружающей действительности.

В заключение отметим, что в рассказе И.А. Бунина «Жертва» заметно присутствие мифологических и фольклорных мотивов, которые проявляют себя на всем протяжении рассказа. Мотивы фольклора и легенды, перекликаясь между собой, воплощаются через существенные детали повествования. Мифологические представления об Илье-пророке находят свои отголоски в русской легенде, заметные черты которой прослеживаются в бунинском рассказе. Детально схож древний обряд жертвоприношения с сюжетом произведения, мифическое совпадение особенностей образа Ильи-пророка с древним богом грозы Перуном, очень интересной единой деталью властности и решительности объединяет автор простого крестьянина Семена со всемогущим Ильей. Так, название рассказа соединяет в себе элементы мифологического и фольклорного начал, что доказывает четкую связь мифологических образов и приданий с исследуемым рассказом, придавая ему эстетичность и полноту содержания.

Список литературы:

1. Афанасьев, А.Н. Народные русские легенды / А.Н. Афанасьев; Ред. и предисл. прив.-доц. С.К. Шамбинаго. - 3-е изд., доп. – Москва: Современ. пробл., 1916. – 368 с.
2. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3-х т. / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. – Т.3. – 362 с.
3. Бунин, И.А. Собрание сочинений в 6 т. / И.А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1987 - 1988.
5. Лапинская, И.П. Текстуализация мифа в художественном тексте: (на материале рассказа И.А.Бунина «Темные аллеи») / И.П. Лапинская // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. сер.: филол. науки. – 2010. – Т.46. – № 2. – С. 146-149.
6. Саянова, А.М. Иранская мифология в художественном мире И.А. Бунина / А. М. Саянова, Э. Каримириаби // Ученые зап. Казан. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. Науки. – 2014. – Т. 156. – Кн. 2. – С. 115-120.
7. Шеллинг, Ф. В. Й. Введение в философию мифологии / Ф. В. Й. Шеллинг // Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1989 – Т. 2 – 636 с.
8. Юхнова, И.С. Религиозно-мифологический контекст рассказа И.А. Бунина «Старуха» / И.С. Юхнова // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвузовский сборник научных статей. – Тамбов, Б.и., 2006. – С. 573-575.

UDC 821:161.1.09

**MYTHOPOETIC ELEMENTS OF THE IMAGE OF THE STORY OF I.
BUNIN "THE VICTIM"**

Goncharov Petr Andreevich

Doctor of Philology, Professor

Podsekalova Anastasia Sergeevna

poppova98@mail.ru

student

Michurinsk State Agrarian University

Michurinsk. Russia

Annotation. The work analyzes the mythopoetic elements of I.A. Bunin's "The victim", folklore and mythological prototypes of the heroes of the story, legendary motives of the work. Based on the folkloristic and ethnographic studies of authoritative scientists, on the text of the novella, on the literary and folklore context of the work, the authors of the work consider the main character of the story as an image that has absorbed folk beliefs and superstitions, the writer's ideas about the Russian national character, prove that this story IA Bunina is associated with the Slavic mythological ideas about sacrifices, about the popular Christian heavenly hierarchy. According to the authors of the article, the mythological and folklore component of the imagery of the story enhances the philosophical and ethnographic sound of the literary work, introduces significant clarifications to the Bunin concept of the Russian national character.

Key words: I. Bunin, story, mythology, "The victim"